

УДК 81.42
DOI 10.32326/19931778_2024_5_243

СВЕРХСИЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ ДИСФЕМИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

© 2024 г.

Е.Н. Широкова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
shirokelen@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.08.2024

Описываются дисфемизмы как средство сверхсильной речевой агрессии, направленное на мишень информационно-психологического противостояния. Рассматриваются когнитивно-дискурсивные и языковые механизмы создания таких дисфемизмов, а также их прагматические функции. Анализируются факторы, определяющие появление рядов дисфемизмов, называющих одну и ту же мишень. Доказывается, что объединение конститuentов таких рядов в одном высказывании, а также их синтагматические связи приводят к усилению речевой агрессии за счет актуализации множественных ассоциативных связей с концептуальными областями, служащими зонами-донорами для образования дисфемизмов. Использовались методы когнитивно-дискурсивного, контекстуального, семантического и деривационного анализа.

Ключевые слова: вторичная номинация, дисфемизм, сверхсильная речевая агрессия, метафоризация, деривация, информационная война.

Информационные войны как многофакторное явление стали актуальным объектом междисциплинарных лингвистических исследований [1–5], в частности, в дискурсологическом [6; 7, с. 898–901; 8], лингвоэкологическом [9, с. 17–21; 10] и лингвоконфликтологическом [11–13] аспектах. Наряду с этим большое внимание уделяется описанию языковых средств ведения информационно-психологических войн, причем акцент делается на лексические средства, поскольку, по мнению исследователей, именно слово в единстве его семантики и функций является основной инструментальной единицей манипуляционного воздействия [14, с. 12]. Так, анализируется оценочная лексика, используемая в ходе информационного противостояния [15–18], а также вербальные приемы реализации стратегий и тактик речевой агрессии [19–22].

Удобной платформой ведения информационно-психологических и гибридных войн в условиях современного политико-экономического и военного противостояния являются социальные сети, позволяющие охватить максимальное количество коммуникантов. При этом для дискредитации мишени противостояния, а также создания негативного образа врага активно используются языковые знаки вторичной номинации, обладающие сверхсильными негативно-оценочными коннотациями. Цель данной статьи – описание механизмов создания дисфемизмов, используемых для номинации мишени противостояния и направленных на изменение картины мира ад-

ресата в процессе информационно-психологического воздействия. Материалом исследования послужили сообщения политиков, журналистов, блогеров, опубликованные на контентных платформах Telegram и «Дзен».

В социальных сетях дисфемизмы нередко выступают как средство экспликации сверхсильной речевой агрессии, понимаемой как «такая разновидность речевой агрессии, которая представляет собой крайнюю, экстремальную степень негативной эмоциональности и характеризуется ненавистью к объекту оценивания и желанием его физического и/или морального уничтожения» [23, с. 12]. Причем для создания дисфемизмов используются репрезентанты концептуальных областей, вызывающих в социуме негативно-оценочное отношение. Прагматика таких дисфемизмов заключается в формировании устойчивых ассоциативных связей между стороной противостояния и концептуальной областью, выступающей зоной-источником дисфемизации, что приводит к «нивелированию границ между действительностью и фикцией» и «порождает ложные аналогии, усваиваемые массовым адресатом как априорное знание» [24, с. 46]. Рассмотрим наиболее частотные зоны-источники, используемые с манипулятивными целями для дискредитации мишени и создания негативного образа врага в текстах, освещающих события СВО.

Коррелирующие друг с другом зоны-источники «гитлеровская Германия», «нацист-

ская идеология», «хунта», вызывающие у значительной части русскоязычной аудитории устойчивые ассоциативные значения 'тоталитаризм', 'диктатура', 'военные преступления', 'насилие', 'смерть'. Создаваемые на основе этих зон дисфемизмы являются языковым средством реализации приема анахронии, который, в свою очередь, объективирует манипулятивный прием проведения исторических параллелей между мишенью противостояния и событиями Второй мировой войны, а также государственными переворотами в Латинской Америке. Языковым механизмом создания таких дисфемизмов являются метафоризация, а также узуальные и окказиональные способы словообразования. Прагматическая функция таких языковых знаков заключается в формировании негативно-оценочного образа врага, высмеивании, оскорблении и дискредитации оппонента противостояния: *Неужели Банковская скидывает фюрера?* (<https://dzen.ru/tsargrad.tv>); *Нынешним гауляйтерам и их пособникам на Украине на заметку...* (<https://t.me/yurasumy>); *МИД Рейха требует от Болгарии немедленной выдачи гестапо СБУ украинцев, которые заявили о нелегитимности режима Зеленского* (t.me/AleksandrSemchenko/39188); *Вчера наши ребята подняли в Авдеевке российский флаг, освободив город от укронацистов* (t.me/slutsky_1/2472); *Фон дер Ляйен, по сути, продекларировала курс на военную интеграцию с укрофашистским режимом* (t.me/slutsky_1/2434); *Укрофюрер при этом на полном серьезе рассуждал об отсутствии в новых российских регионах цивилизации(!), туризма, рабочих мест и бизнес-инвестиций* (t.me/slutsky_1/2434); *Вот и у Киевского Вермахта (несмотря на их успехи в некоторых операциях) здесь уже очень скоро возникнет ровно та же проблема* (<https://t.me/s/yurasumy>); *Укровермахт подтягивает новые силы в надежде выполнить указания коллективного Запада* (t.me/Stremousov_Kirill/698); *Ну не могут бандеровцы без убитых "личинки и самок колорада"* (t.me/Mikle1On/27266); *Бандерёв многократно заявляло, что они желают уничтожить всех русских, не находя разницы между либералами, радикалами и консерваторами* (t.me/Mikle1On/24914); *Нацистский альянс с головным офисом в Фашингтоне* (t.me/provorotnetu/1440); *Это курс на нацификацию Европы и продолжение антироссийской политики сдерживания, причем запрограммированными на войну методами* (t.me/slutsky_1/2434); *Вот и спорят киевская хунта с англосаксами о тактике уничтожения русской цивилизации* (t.me/Mikle1On/27266); *Только никакие новые поставки вооружений не спасут укрохунту и*

точно не сделают «Америку великой» (t.me/dumabrief/14004).

Также лексемы-анахронизмы создаются на основе зоны-источника «история Украины», при этом в первую очередь актуализируется фрейм «Запорожская Сечь». Для вторичной номинации часто используются лексемы *казак*, *хутор* (сельские поселения на Украине, Кубани и Дону [25]), *атаман*, *пан-атаман*, *чуб*, *чубы* ('чубы – хохлы, малоросы' [26, с. 611]), а также производные от них. Такие дисфемизмы транслируют смыслы 'слабая экономика', 'анархия', 'военно-политическая и экономическая зависимость' с целью воздействия на когнитивные структуры адресата: *Но что делать, если вы – свидомиты – такие тупые, что согласны убивать и умирать за демонстрацию "камина папы Карло" на холсте козака Байденюка* (t.me/Mikhail_Onufrienko_t/3106); *"Юберменьши" хуторские, вызывайте "Волгу", этот девайс уже куда не поедет...* (t.me/avmir161/65592); *Собирается национализировать Дом Москвы и продать. А вырученные деньги отправить хутору* (t.me/Mikle1On/21610); *Хуторяне никак не могут разглядеть очевидное – англосаксы толкают на убой вообще всю Европу, Румыния в этом списке – аккурат после Прибалтики и Польши* (t.me/Mikle1On/24769); *Залужный с точки зрения Зека для этого просто идеальный кандидат. Ну не пану же атаману за эту "зраду" отвечать)))* (t.me/yurasumy/13028); *Все в лучших традициях украинской атаманины...* (t.me/yurasumy/13102); *Ну, и чубам тут не останется ничего, кроме, как сложить оружие, да поднять руки, чтобы сохранить себе жизни* (https://t.me/s/chub_detection); *А чубатое стадо все стерпит* (t.me/muromcevZ/11097); *У нас по данной истории всего один вопрос в разных вариациях – а чем прельщают вот таких злочубцев лезть на русскую укрепленную береговую линию?* (https://t.me/s/chub_detection).

Для метафорического переноса из зоны-источника «преступление» используются номинации из литературного языка и из уголовного жаргона: *В том, что американские законодатели одобряют «помощь» банде неонацистов, никто не сомневался* (t.me/medvedev_telegram/483); *В общем, думайте украинцы за что вы воюете и ради чего вас отправляют на убой шайка Зеленского и его церберы из ТЦК* (t.me/yurasumy/12526); *Украив часть русской истории, выковыряв часть русских политиков и полководцев, оккупировав русские города и земли, хунта перешла к краже уже американских граждан* (t.me/Mikle1On/21421); *Паханы НАТО по результатам сходяка на Вашингтонине*

приняли декларацию (t.me/Mikle1On/21421); Украинские инсайдеры сообщают, что администрация Байдена поставила ультиматум **украинской банде** с требованием дать обещанный результат на фронте (<https://dzen.ru/a/ZRU41IQODiQbFI-O?ysclid=Izskh879i2404160951>).

Кроме того, совмещение концептуальных областей «сторона противостояния» и «преступление» осуществляется с помощью словообразования на основе сложения основ с соответствующей семантикой с префиксоидом *евро-*: Удивительно, что при наличии тысяч фактов **евробандитизма** и **евромошенничества** нам долгое время впаривали про европейскую систему ценностей, где жизнь и свободы человека – главное, а мы покорно кивали ... (t.me/Mikle1On/21421).

Знаки вторичной номинации насыщают естественный контент не только сверхсильными негативными оценочными коннотациями, но и конституируют аксиологическую оппозицию *свои/чужие*. Причем для сегмента сетевого дискурса, освещающего события СВО, характерен плюрализм в содержательном наполнении данной оппозиции. Во-первых, оппозиция *свои/чужие* представляется с разной степенью генерализации – от оппозиций *Россия/Украина*, *Россия/НАТО* до оппозиции *англосаксы/остальной мир*. Во-вторых, с манипулятивными целями образ врага создается не как единое целое, а как иерархически организованная социальная структура, в основе которой лежит социальное, экономическое, политическое, военное неравенство. Поэтому еще одной зоной-источником создания дисфемизмов является концептуальная область «неравноправие». При этом слова, используемые для номинации мишени, под влиянием контекста приобретают негативно-оценочные коннотации. Приведем примеры: *Не в том они состоянии, чтобы хвост на гегемона задирать* (t.me/Mikle1On/21421); *Не в интересах белого хозяина прекращать войну и вести какие-то обмены* (t.me/Mikle1On/21421); *Озвучивает то, что ему напишет на шпаргалке **Большой Брат**. Нет там самостоятельных игроков. Есть марионетки различных политических хозяев* (t.me/Mikle1On/21421); *Не ожидали мы, что вы окажетесь настолько тупые – согласитесь так легко сдохнуть за **американского сюзерена*** (t.me/Mikle1On/21421); *Заметьте, Абрамсы контрактом не предусмотрены. Как и самолеты – это с **евровассалов*** (t.me/andreynosros/68633); *США просто утилизируют **вассалов**, выпивая их кровь* (t.me/Mikle1On/21421); *Принятая большинством интеграция в чужеродный «западный рай» на условиях **бесправной***

прислуги для нормального общества не может быть стимулом развития (t.me/Mikle1On/21421); Наверно, представитель Пентагона хотел сказать *Quod licet Jovi, non licet bovi* (**То что дозволено Юпитеру, не дозволено быку**), но не знал латынь... да и поговорку это – тоже (t.me/Mikle1On/21421).

Наряду с этим для подчеркивания военно-политической несамостоятельности украинского руководства используется метафора культового поклонения, при этом в одном контексте может совмещаться отсылка к разным культам, например языческим и сатанинским: **Сатанисты хунты** принесли **жертвоприношение** во славу своего божка **Джо Байдена**. Цель **жертвоприношения**: умиловить **истукана** и не дать Украине проиграть в 2024 году (t.me/Mikle1On/22002).

Также используются зоны-источники «охота», «скотобойня», в обоих случаях реализуется модель переноса «животное → человек»: *Где-то на просторах "зуропы": "людь" и "людоловы"... Типичная картина для сегодняшней Украины. На этот раз "люди" удалось убежать от "людолова"* (<https://t.me/s/yurasumy>); **Сафари** на украинцев в самом разгаре (t.me/yurasumy/12733); *Им выгодно начать набор и уже отловленных ранее 200–400 тысяч погнать в мясо, а на их место ловить новых. Фронт хотят завалить мясом* (t.me/Mikle1On/27259); *В ближайшее время мясник отправит новую порцию украинских солдат на переработку ради западных, в первую очередь британских, интересов* (t.me/OstashkoNews/119505). Как свидетельствуют примеры, дисфемизмы данной группы создаются с помощью метафорических переносов и игровых способов словообразования.

Для политического сетевого дискурса в целом характерны «неофициальность, стихийность, скорость реагирования на общественные вызовы (она значительно выше, чем у медийного или институционального политического дискурса) и многоголосие (коммуникация допускает и часто даже предполагает обратную связь, носит интерактивный характер)» [27, с. 81]. Окказионализмам и неодериватам, представленным в политическом дискурсе, свойственна ситуативность, обусловленная необходимостью дать аксиологическую оценку происходящим общественно значимым событиям [28, с. 137]. Ситуативность использования знаков вторичной номинации, дефицит времени, вызванный необходимостью быстрого реагирования на события, многоаспектность мишени агрессии, наконец, особенности языковой личности актора информационной войны и его предпочтения

в выборе тактик речевой агрессии, стилистических приемов и языковых средств их реализации, в том числе в использовании определенных зон-источников для создания вторичных номинаций, приводят к появлению множественности дисфемизмов, с помощью которых осуществляется номинация конкретного политика, являющегося мишенью информационно-психологической войны.

Так, для дискредитации, оскорбления, осмеяния Зеленского и проводимой им политики используются репрезентанты зон-источников «наркотики», «шутовство», «гитлеровская Германия», «хунта», «преступление», «история Украины». Рассмотрим каждую из групп.

Из зоны-источника «наркотики» активно употребляются слова и словосочетания из литературного языка или жаргона в качестве политических ярлыков. Последние вслед за А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной рассматриваем как единицы «с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов» [16, с. 147]. Приведем примеры такого употребления: *Старший украинский наркоман* сделал незатейливый пропагандистский ход, вызванный провалом на фронте (t.me/medvedev_telegram/438); 7 смертных грехов *Нюх-нюха Зеленского* (t.me/shadowwar1/13338); В итоге Госдепу США пока что удалось «убедить» *наркосу* оставить всё, как есть и не публиковать свой указ (t.me/MaksLifeOff/13777); Что уж говорить о бумажке, подписанной с *террористом-наркоманом*, чью легитимность ставят под сомнение даже в его собственной стране (t.me/MariaVladimirovnaZakharova/8249).

Прагматические функции таких номинаций усиливаются в том случае, когда дисфемизмы включены в контекст развернутой метафоры на основе зоны-источника «наркотики». В качестве примера можно привести текст, посвященный визиту Орбана на Украину для встречи с Зеленским в июле 2024 г., в котором результаты переговоров представлены с помощью лексики, репрезентирующей фрейм «распространение наркотиков». Наряду с этим в качестве средства фасцинации используется сочетание лексики, характеризующей разные типы дискурсов (телефончик, дилер, дурь, закладки; стороны договорились):

По версии наркофюрерра, ВСУ сможет отразить любое контрнаступление ВС России в 2024 году благодаря мобилизационным резервам и переданной Западом технике. /.../ Злые языки

говорят, что Орбан, выслушав этот гениальный план, попросил телефончик дилера, представляющего такую потрясающую дурь. Стороны договорились держать друг друга в курсе закладок... (t.me/Mikle1On/27243).

В данном тексте реализуется прием инференции, направленный на актуализацию в сознании адресата смыслов ‘Зеленский живет в психоделической реальности и не может адекватно оценивать ситуацию’.

Для номинаций из зоны «шутовство» используются конstituенты синонимического ряда *шут, паяц, клоун, фигляр, скоморох* [29, с. 688; 30, с. 489] со значением ‘Тот, кто паясничает, балагурит на потеху, в угоду другим. Слова *шут* и *паяц* выражают более резкую или пренебрежительную оценку кого-л., *клоун* – тот, кто паясничает, кривляется на потеху другим, слово *фигляр* свойственно литературно-книжной речи’ [29, с. 688]. К этому синонимическому ряду примыкает лексема *комедиант*, входящая в синонимические ряды с доминантами *Актер* и *Притворщик*, имеющая в последнем случае значение ‘тот, кто умеет притворяться, показывать себя не таким, каков он есть на самом деле’ и употребляемая для выражения ‘осуждения, пренебрежения’ [29, с. 270]. Объединяет все названные слова не только негативно-оценочная коннотация, но и аллюзия на профессию президента Украины, с помощью которой репрезентируются манипулятивные смыслы ‘профессия, далекая от политики’, ‘некомпетентность политика’. Усиливаются негативно-оценочные коннотации знаков вторичной номинации за счет сочетания с оценочными определениями (*богомерзкий, кровавый* и под.). Кроме того, используется неодериват с препозитивной частью *укро-* (*укроклоун*), а также фразеологизм *шут гороховый*, имеющий значение ‘о человеке несерьезном, никчемном, служащем всеобщим посмешищем, чудеке’ [31, с. 261]. Ср. также: ‘Разыгрывать, строить и т.п. шута горохового. Кривляться, дурачиться, паясничать’ [там же]. Приведем примеры: *Однако начальный триумф клоуна* был сильно смазан реакцией американской прессы (t.me/Politnavigator/132721); *Задача кровавого клоуна – не дать украинцам этой возможности, а загнать всех подыхать в окопах за интересы западных кредитов* (t.me/Mikle1On/24959); *А нет, есть ещё шанс пообщаться с главным укроклоуном...* (t.me/Mikle1On/22429); *Вполне вероятно, это может быть первым доказательством того, что на Западе приняли решение о его ликвидации. Бойся, паяц!* (t.me/s/medvedev_telegram); *Пойдёт ли на переговоры богомерзкий клоун и б. президент б.*

Украины? (t.me/medvedev_telegram/515); *Правящая клика во главе с **тряпичным паяцем** бежит на Запад или будет растерзана толпой* (t.me/medvedev_telegram/515); *Возмущают и одновременно вызывают презрение прозвучавшие в интервью слова возмнившего себя политическим деятелем мирового масштаба **комедiantа** средней руки с насквозь лживыми обвинениями Москвы в якобы «срыве Минских соглашений 2015 года»* (https://www.fondsk.ru/news/2023/12/12/); ***Фигляр** Зеленский прилетел в США, чтобы **кривляться** с трибуны Генассамблеи ООН и рассказать американским конгрессменам, насколько им выгодно вкладываться в украинский конфликт и саму Украину* (t.me/Politnavigator/132721); *«То, что ООН проигнорировала площадку для решения проблем международного права и оккупации, – это какие-то новые, никем не одобренные принципы», – заявил украинский **шут*** (t.me/IslandOfCrimea/2098); *Зеленский – **шут гороховый*** (t.me/otryadkovpaka/26118); ***Скоморох** из 95 канала выступал в ООН в полупустом зале* (t.me/IslandOfCrimea/2098); ***Украинский диктатор-скоморох Зеленский** выступил на Генеральной Ассамблее ООН* (t.me/IslandOfCrimea/2098).

Нельзя не отметить также то, что все названные лексемы являются языковыми метафорами, восходящими к общей зоне-источнику «зрелище», что может актуализироваться в тексте развернутыми метафорами, усиливающими манипулятивный эффект, например: *Зеленский **отправился на гастроли. Выступление укроклоуна в Евроцирке*** (t.me/ust_ml/130).

В данном фрагменте негативно-оценочные коннотации актуализируются также словообразовательным повтором. Так, слова *укроклоун*, *Евроцирк* построены путем соединения префиксоидов из тематической группы «географическое название» со словами из тематической группы «цирк», причем под влиянием контекстов употребления префиксоиды *укро-*, *евро-* в сетевом дискурсе, посвященном освещению событий СВО, приобретают устойчивые негативно-оценочные коннотации.

Наряду с этим для номинации Зеленского активно используется рассмотренный выше прием анахронии. При этом зонами-источниками являются:

– «гитлеровская Германия»: *Впрочем, сами украинцы уже давно не верят в нарративы **фюрера*** (https://dzen.ru/a/Zd6jubsPOzl-pFPT?ysclid); *Покушение на **главного бандеровца** в Польше?* (t.me/s/medvedev_telegram); *И еще: **такого рода соглашения между марионеткой***

***укрофюрером** и его кукловодами не ставят их в равное положение* (t.me/slutsky_1/2490);

– «хунта»: ***Зе-хунта** симметрично объявляет морскую блокаду северо-восточной части Чёрного моря* (t.me/Politnavigator/129756); *Нет таких ругательств, которые ещё не адресовали **главнюку киевской хунты** польские СМИ в его день рождения* (t.me/Mikle1On/22033);

– «история Украины»: ***Пан атаман Зеленский** сообщил, что сейчас идет чуть ли не мозговой штурм в проекте его нового «мирного плана»* (t.me/newsfrontnotes/50298); *После того, как главный террорист Зека "мамкин пирожок" Буданов лично (либо по сговору со своим **атаманом**) приговорил меня к смерти (уже несколько раз пробовали), лично мне все эти приговоры до одного места* (t.me/s/yurasumy/13001); *Плата **пана Вовы** за власть заокеанским хозяевам* (t.me/russdiary/26157).

Активно используются дисфемизмы на основе метафорического переноса из зоны-источника «преступление»: ***Американцы дали банде Зеленского время до ноября*** (https://dzen.ru/a/ZRU41IQODiQbFI-O); *В общем, **думайте украинцы за что вы воюете и ради чего вас отправляют на убой шайка Зеленского и его церберы из ТЦК*** (t.me/yurasumy/12526). Причем оценочность усиливается за счет средств словообразования. Так, негативная оценка неодеривата *Зек*, созданного на основе игрового приема усечения имен собственных, формируется за счет возникающей ассоциативной связи между неодериватом и лексемой *зэк*, поддерживаемой также синтагматическими связями неодеривата: *Но точно кому не смешно, так это их мужьям, которых **Зек и его шайка** отловили на улицах и отправили на утилизацию* (t.me/yurasumy/12526); *Очень надеюсь, что хотя бы часть украинцев сегодня поймет, какого рода утырки сегодня информационно работают на **Зека и его шайку преступников*** (t.me/yurasumy/12760); ***Зек и его банда** пытаются предотвратить частые сдачи в плен* (t.me/yurasumy/13483).

Ситуативность и быстрота реагирования, характерные для языка соцсетей, проявляются, например, в том, что уже на следующий день после истечения президентских полномочий Зеленского для его номинации стали использовать лексему *просроченный*: *Обращение "**просроченного**" к мировому сообществу...* (t.me/yurasumy/15530?single); *В глаза чьим родителям трудно смотреть **просроченному**?* (t.me/sashakots/47780).

Усиление речевой агрессии и соответственно манипулятивного эффекта происходит в том случае, когда дисфемизмы отсылают сразу к

нескольким зонам-источникам, определяющим их негативно-оценочное значение, в результате чего увеличивается количество актуализируемых ассоциативных значений, устанавливаются новые категориальные и концептуальные связи лексем. На языковом уровне это достигается за счет включения таких дисфемизмов в состав словосочетаний и аппозитивных сочетаний, каждый из компонентов которых имеет негативно-оценочную окраску и отсылает к разным зонам-источникам, а также с помощью сложных слов, компоненты которых также отсылают к разным аксиологически окрашенным концептуальным областям. Приведем примеры таких сочетаний:

– «наркотики и шутовство»: *Отсюда истерика **кокаинового клоуна** с целью отказа от избрания президента пока ещё существующей страны* (t.me/medvedev_telegram/417); *У **наркотического клоуна** есть основания всполошиться не на шутку* (t.me/medvedev_telegram/417); *Почти все сходятся в том, что безмерно раздутое тщеславие **унюханного скомороха**, угрозы со стороны радикальных нацистов и поддержка Запада делают этот сценарий практически нереальным* (t.me/medvedev_telegram/515);

– «наркотики и гитлеровская Германия»: *Каждый раз, когда он приезжал куда-либо "поддержать захисников", помеченная **наркофюрером** территория переходила в руки ВС РФ* (t.me/Mikle1On/24304); ***Кокаин-фюрер** хочет атаковать ядерную электростанцию* (https://politics.d3.ru/kokain-fiurer); ***Кокаиновый фюрер** назвал условия для переговоров с Кремлем* (t.me/specopua/30553);

– «преступление и шутовство»: ***ЗЕк и его кореша-клоуны**: вы умирайте, а мы еще не пожили...* (video/6778172541666).

Наряду с этим возможно совмещение сразу трех и более концептуальных областей: ***Кокаиновый клоун Зе** продолжает спокойно ездить по бандеровской орде и раздавать подарки* (t.me/MediaOfficers/30591); *В ставке **наркофюрера** и **хуторалиссимуса** в начале февраля 2022 всё было не так* (t.me/Mikle1On/23485); ***Просроченный наркофюрер Нюх-Нюх** заявил, что киевскому режиму необходимо более двух десятков американских комплексов противоздушной обороны Patriot* (t.me/Mikle1On/24323).

Многие окказиональные знаки вторичной номинации, используемые в контексте информационной войны, быстро переходят в разряд узуальных единиц, что свидетельствует «о количественном росте потенциальных средств языковой агрессии в системе языка» [9, с. 18]. Примеры таких узуанализмов (*свидомый, свидомит, свидомитский, майданутый, ватники,*

укрофашисты, укронацисты, нацисты, бандеровцы (бандеры), укропы, боевики, чубы, чубатые и др.) приводятся в научной литературе, см., например, в [14, с. 13; 32, с. 304; 9, с. 18]. Среди таких неoderиватов-дисфемизмов отметим голофраземы *щевенмерлики, щевенмерлец*, образованные на базе строки украинского гимна, а также *весьмирснами, весьмирскими, зато-нерабы*. Сверхсильная агрессия таких дисфемизмов определяется прагматическими функциями голофразем: «Поскольку голофразема – как правило, слово полемическое, выражающее несогласие с какой-либо точкой зрения и негативную оценку ее сторонника, большая часть таких неологизмов идеологически окрашена, среди них немало элементов языка вражды, этически сомнительных слов» [33, с. 35–36]. Приведем примеры использования неoderиватов-дисфемизмов: *А нам надо учиться с этим жить и вырабатывать простые, понятные и эффективные технологии, препятствующие проникновению **щевенмерликов** в наше общество* (t.me/Mikle1On/27036); *Приезд **щевенмерльца** из **галушкинского каганата*** (t.me/Mikle1On/21610); *Хордый **щевенмерлец** записал рассерженное видео, на котором в салоне самолета Lufthansa демонстрируют карту России с новыми территориями* (t.me/pravednyi_napalm/13756); *Совсем наоборот – это **весьмирснами** наконец честно и открыто признался к своей любви к свастике* (t.me/Mikle1On/26444); *Ошибка англосаксов – считать, что хунта будет воевать с Россией вечно, а русские от осознания, что "**весьмирскими**" быстренько сольются и приползут просить пощады* (t.me/elenakozenkova/14614); *Хунторыне никак не могут разглядеть очевидное – англосаксы толкают на убой вообще всю Европу, Румыния в этом списке – аккурат после Прибалтики и Польши. Ждём следующую душещипательную серию этой мыльной оперы про призыв новообращенных граждан в румынскую армию для защиты румынского порта "Одесса". **ЗАТОНЕРАБЫ!*** (t.me/Mikle1On/24769).

Таким образом, в социальных сетях в контексте информационно-психологической войны активно используются дисфемизмы, выступающие как средство сверхсильной речевой агрессии. Разноаспектный характер мишени агрессии, разнообразие идиостилей акторов информационной войны, ситуативность образования знаков вторичной номинации обуславливают появление рядов дисфемизмов, называющих одну и ту же мишень противостояния. Объединение конститuentов таких рядов в одном высказывании приводит к усилению речевой агрессии и направлено на реализацию так-

тик оскорбления, дискредитации и осмеяния оппонента. Манипулятивный механизм создания таких дисфемизмов опирается на формирование устойчивых ассоциативных связей между мишенью информационно-психологического воздействия и концептуальными областями, вызывающими негативно-оценочное отношение в социуме.

Список литературы

1. Информационная война в цифровом медиапространстве: Кол. монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. 364 с.
2. Лингвистика информационно-психологической войны / Отв. ред.: А.П. Сковородников. Кн. I. Красноярск: СФУ, 2017. 340 с.
3. Лингвистика информационно-психологической войны / Отв. ред.: А.П. Сковородников. Кн. II. Красноярск: СФУ, 2019. 488 с.
4. Лингвистика информационно-психологической войны / Отв. ред.: А.П. Сковородников. Кн. III. Красноярск: СФУ, 2020. 344 с.
5. Лингвистика информационно-психологической войны / Отв. ред. А.П. Сковородников. Кн. IV. Красноярск: СФУ, 2021. 340 с.
6. Калинин О.И. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: Кол. монография. М., 2024. С. 57–61.
7. Копнина Г.А., Еремина Е.В. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 895–910.
8. Кушнерук С.Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса // Политическая лингвистика. 2020. № 5 (83). С. 12–21. DOI: 10.26170/pl20-05-01.
9. Сковородников А.П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 12–25. DOI: 10.26170/pl19-05-01.
10. Копнина Г.А., Кошкарлова Н.Н., Сковородников А.П. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 383–400. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400>.
11. Кошкарлова Н.Н., Руженцева Н.Б. Противоборство или война: как информация в западных СМИ создает деструкцию дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 129–134.
12. Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220.
13. Приходько М.В. Психолингвистическое манипулирование общественным сознанием как приём ведения информационных войн // Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика. М., 2022. С. 270–279.
14. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10–16.
15. Михалькова О.В. Функционально-прагматическая характеристика отрицательной оценочной лексики языка информационной войны // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10. № 3. С. 156–161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42664539_97302529.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
16. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Политические ярлыки как инструмент современной информационно-психологической войны (на материале русскоязычных текстов) // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 143–152.
17. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 31–40.
18. Хабаров А.А. Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 78–89.
19. Калинин О.И. Метафора и информационная война // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 124–127.
20. Ларина Т.В., Озюменко В.И., Пономаренко Е.Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 35–45.
21. Никонова Е.А. Языковые средства ведения современных медиа войн // Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. В 2 томах. Т. 1. М., 2023. С. 188–191.
22. Онал И.О. Метафорическое моделирование военного конфликта в секторе Газа в британском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2 (58). Ч. II. С. 177–181.
23. Сковородников А.П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антипode // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12–21. DOI: 10.26170/pl19-03-01.
24. Заботкина В.И. Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 43–47.
25. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982.
26. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4. М.: Рус. яз., 1980. 683 с.
27. Блинова О.А. Мультимодальность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии // Научный диалог. 2019. № 10. С. 79–93.
28. Кошкарлова Н.Н. Новые слова русского языка: как они появляются и почему исчезают // Новая Рос-

сия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Екатеринбург, 2016. С. 137–140.

29. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / Гл. редактор А.П. Евгеньева. Ленинград: Наука, 1971.

30. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М.: Рус. яз., 1989. 495 с.

31. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз; Гл. редактор

К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. III: Г. М.: Рус. яз., 1992. 400 с.

32. Голованова Е.И. Военная лексика и лексика войны в современном медийном пространстве // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). 302–305.

33. Левина С.Д. Неологизмы-дериваты от предложений: Между высказыванием и словом // Неология. Неография. 2023: Сб. научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 31–43.

EXTREMELY STRONG SPEECH AGGRESSION OF DYSPHEMISMS IN THE CONTEXT OF INFORMATION WAR

E.N. Shirokova

The article describes dysphemisms as a means of extremely strong speech aggression aimed at the target of information-psychological confrontation. The cognitive-discursive and linguistic mechanisms of creating such dysphemisms, as well as their pragmatic functions, are considered. The factors that determine the emergence of a series of dysphemisms naming the same target are analyzed. It is proved that combining the constituents of such series in one utterance, as well as their syntagmatic connections, lead to increased speech aggression due to the actualization of multiple associative connections with conceptual areas that serve as donor zones for the formation of dysphemisms. The methods of cognitive-discursive, contextual, semantic and derivational analysis were used.

Keywords: secondary nomination, dysphemism, extremely strong speech aggression, metaphorization, derivation, information war.

References

1. Information warfare in the digital media space: A monograph. Chelyabinsk: Publishing Center of South Ural University, 2023. 364 p.

2. Linguistics of information and psychological warfare / Ed.: A.P. Skovorodnikov. Book I. Krasnoyarsk: SFU, 2017. 340 p.

3. Linguistics of information and psychological warfare / Ed.: A.P. Skovorodnikov. Book II. Krasnoyarsk: SFU, 2019. 488 p.

4. Linguistics of information and psychological warfare / Ed.: A.P. Skovorodnikov. Book III. Krasnoyarsk: SFU, 2020. 344 p.

5. Linguistics of information and psychological warfare / Ed. by A.P. Skovorodnikov. Book IV. Krasnoyarsk: SFU, 2021. 340 p.

6. Kalinin O.I. Information warfare from the perspective of a cognitive-discursive approach // Information warfare in the context of a special military operation. The experience of linguistic analysis: Number of monographs. M., 2024. P. 57–61.

7. Kopnina G.A., Eremina E.V. The main vectors of the development of linguistics of information and psychological warfare // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2023. Vol.16. № 6. P. 895–910.

8. Kushneruk S.L. The discursive world of information and psychological warfare: a representative structure according to the corpus // Political Linguistics. 2020. № 5 (83). P. 12–21. DOI: 10.26170/pl20-05-01.

9. Skovorodnikov A.P. On some unresolved issues of the theory of linguoecology // Political linguistics. 2019. № 5 (77). P. 12–25. DOI: 10.26170/pl19-05-01.

10. Kopnina G.A., Koshkarova N.N., Skovorodnikov A.P. Linguistic consequences of modern information and psychological wars in the Russian-speaking mass media: statement of the problem // Rusistics. 2021. Vol. 19.

№ 4. P. 383–400. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400>.

11. Koshkarova N.N., Ruzhentseva N.B. Counterstruggle or war: how information in the Western media creates the destruction of discourse // Questions of cognitive linguistics. 2016. № 4 (49). P. 129–134.

12. Ozyumenko V.I. Media discourse in the situation of information war: from manipulation to aggression // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2017. Vol. 21. № 1. P. 203–220.

13. Prikhodko M.V. Psycholinguistic manipulation of public consciousness as a method of conducting information wars // Linguistic support of military activity. Theoretical and applied aspects of the professional activity of a military translator. M., 2022. P. 270–279.

14. Vasiliev A.D., Podsokhin F.E. Information warfare: a linguistic aspect // Political linguistics. 2016. № 2 (56). P. 10–16.

15. Mikhalkova O.V. Functional and pragmatic characteristics of the negative evaluative vocabulary of the language of information warfare // Original research. 2020. Vol. 10. № 3. P. 156–161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42664539_97302529.pdf (Date of access: 09.07.2024).

16. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Political labels as a tool of modern information and psychological warfare (based on the material of Russian-language texts) // Actual problems of stylistics. 2018. № 4. P. 143–152.

17. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lexical and phraseological innovations in the Russian language and speech as a consequence of information and psychological wars: a functional and pragmatic aspect // Political linguistics. 2022. № 4 (94). P. 31–40.

18. Khabarov A.A. Demonization of China in foreign mass media: discursive means of destroying targets of information and psychological warfare // Political linguistics. 2022. № 1 (91). P. 78–89.

19. Kalinin O.I. Metaphor and information warfare // *Cognitive studies of language*. 2023. № 4 (55). P. 124–127.
20. Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ponomarenko E.B. Linguistic mechanisms of manipulation of public opinion in English and Russian information texts // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*. 2011. № 1. P. 35–45.
21. Nikonova E.A. Linguistic means of conducting modern media wars // *Problems of linguistics and linguodidactics in a non-linguistic university*. In 2 volumes. Vol. 1. M., 2023. P. 188–191.
22. Onal I.O. Metaphorical modeling of the military conflict in the Gaza Strip in the British media discourse // *Cognitive studies of language*. 2024. № 2 (58). Part II. P. 177–181.
23. Skovorodnikov A.P. On super-strong speech aggression and its modal antipode // *Political linguistics*. 2019. № 3 (75). P. 12–21. DOI: 10.26 170/pl19-03-01.
24. Zabotkina V.I. Cognitive mechanisms of manipulative influence in media discourse // *Cognitive studies of language*. 2023. № 4 (55). P. 43–47.
25. *Soviet Encyclopedic Dictionary*. M.: Soviet Encyclopedia, 1982.
26. Dal V.I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: Vol. 4. M.: Russian language, 1980. 683 p.
27. Blinova O.A. Multimodality in online political discourse: Internet memes about Scotland's independence // *Scientific Dialogue*. 2019. № 10. P. 79–93.
28. Koshkarova N.N. New words of the Russian language: how they appear and why they disappear // *New Russia: traditions and innovations in language and the science of language*. Yekaterinburg, 2016. P. 137–140.
29. *Dictionary of synonyms of the Russian language*. In 2 vols. / Chief editor A.P. Evgenieva. Leningrad: Science, 1971.
30. Alexandrova Z.E. *Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical reference book*. M.: Russian language, 1989. 495 p.
31. *Dictionary of modern Russian literary language: in 20 volumes* / RAS. Russian Language Institute; Chief editor K.S. Gorbachevich. 2nd ed., reprint and additional. Vol. III: G. M.: Russian language, 1992. 400 p.
32. Golovanova E.I. Military vocabulary and the vocabulary of war in the modern media space // *Cognitive studies of language*. 2023. № 4 (55). P. 302–305.
33. Levina S.D. Neologisms-derivatives from sentences: Between an utterance and a word // *Neologia. Not a biography*. 2023: Collection of scientific articles / Ed. by N.V. Kozlovskaya, St. Petersburg: OR RAS, 2024. P. 31–43.